

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭМИГРАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ряд обстоятельств вызывает необходимость создания комплексного научного исследования, основанного на анализе культурно-исторического опыта российской эмиграции и освещении проблем эмиграции, связанных с современным положением отечественной интеллигенции в Зарубежье. Широкий диапазон факторов определяет актуальность проблемы.

В первую очередь необходимо отметить, что в связи с современными политическими событиями на территории бывшего Советского Союза некоторая часть отечественной, российской интеллигенции, во многом неожиданно для себя, оказалась за пределами российского государства, в странах так называемого «ближнего зарубежья». При обилии конкретных, частных вариантов установления отношений российской интеллигенции с новой национальной государственностью лимитрофов перед новыми «иностранцами поневоле» неизбежно встают вопросы о консолидации российской интеллигенции, сохранении связи с отечественной культурой, поддержании в диаспоре российских культурных традиций. Решить многие проблемы, порожденные данной ситуацией, невозможно без обращения к историческому опыту носителей культуры в Российском Зарубежье.

Кроме того, эмиграция интеллигенции из России, начавшаяся задолго до 1917 г., продолжается и в наши дни. Статистика свидетельствует о том, что среди лиц, выезжающих на постоянное жительство за пределы России, преобладают лица интеллигентских специальностей. Назрела необходимость осознания культурной миссии российской эмиграции в общецивилизационном процессе, рассмотрения отдельных этапов или «волн» эмиграции, их адаптации к новой социокультурной среде как звеньев единого социокультурного явления.

Данная проблематика, несомненно, нуждается во всестороннем и систематическом исследовании, ибо до сих пор лишь частично затрагивалась в нескольких исторических и культурологических работах. В настоящее время, благодаря ломке прежних исторических и культурологических парадигм, расширению возможностей для методологического и источниковедческого анализа, сложились благоприятные условия для проведения подобного исследования.

Вплоть до последних лет научные исследования, посвященные проблемам российской эмиграции, ее культуре и зарубежной отечественной интеллигенции, выражали две тенденции: советскую и антисоветскую. Советская публицистика 20-30-х гг. и первые исторические исследования, появившиеся в 60-е гг., как правило однозначно рассматривали Российское

Зарубежье как полностью негативную силу, противостоящую «государству победившего социализма». В трудах В.В.Комина, Л.К.Шкаренкова, Ю.В.Мухачева, Г.Ф.Барихновского, А.Л.Афанасьева, В.В.Сонины и других советских исследователей 60-80-х гг. материал почти всегда был чрезмерно политизирован, доминировал жесткий «классово-партийный подход». Однако за счет введения в научный оборот большого фактического материала этим исследователям частично удалось сломать прежний стереотип, согласно которому «контрреволюционная эмигрантщина» вообще не заслуживает серьезного внимания «передовой советской исторической науки». Сосредоточившись на политических оценках, эти исследователи не имели реальной возможности уделить должное внимание изучению носителя и создателя российской культуры в Российском Зарубежье — отечественной интеллигенции. А в работах советских исследователей, посвященных истории российской интеллигенции, как правило, рассматривалась культурно-историческая ситуация только внутри страны. В 70-е гг. лишь С.А.Федюкин смело вторгся в прежде запретную тематику истории российской интеллигенции в рассеянии, хотя и ему не удалось преодолеть в отношении интеллигентов-эмигрантов прежние стереотипы «классово-партийного подхода»¹.

Многие десятилетия советская историография развивалась в условиях изоляции от исследований сходной тематики в зарубежных странах, обращение к работам иностранных специалистов и историков-эмигрантов чаще всего носило характер «критики клеветнических измышлений буржуазных фальсификаторов». Однако размывание идеологических барьеров в конце 80 — начале 90-х гг. позволило не только установить контакты с зарубежными коллегами, но и осознать предвзятость многих прежних оценок, надуманность всех идеологических концепций в отношении истории Российского Зарубежья. Расширился круг исследователей эмигрантской тематики, создано несколько центров по изучению истории российской диаспоры, прошло несколько конференций, в том числе и международных, на которых рассматривался вклад российских эмигрантов в мировую культуру. В последние годы появились исследования, авторы которых сосредоточили свое внимание на достаточно конкретных исторических сюжетах². Одновременно растет поток скорее публицистической, чем исследовательской литературы, где рассуждения о судьбе российского рассеяния ведутся без серьезного объективного анализа и используются в конъюнктурной политической полемике.

Разительные перемены за последние годы произошли не только в исследовательской ситуации, но и в умонастроениях как авторов культурно-исторических изысканий, так и читателей. От глухого зашоривания («эмиграция не стоит того, чтобы ее изучать»), через декларацию

объективизма в оценке истории Российского Зарубежья («с одной стороны..., с другой стороны...») к идеализации русского рассеяния («истинная Россия оказалась вне России») — приблизительно так можно было бы обозначить период перехода отечественной историографии от развитого социализма в сегодняшний день. Вчерашний миф советской историографии об «агонии эмигрантской контрреволюции», о «кризисе творчества в Зарубежье», о «всепоглощающей ностальгии в рассеянии», кажется, уже забыт. Советские авторы 60—80-х гг., чьи работы по истории эмиграции пользовались бешеной популярностью, похоже, вычеркнуты из списка исторической литературы, заслуживающей внимания. Забвение, постигшее работы этих исследователей, чем-то сходно с ситуацией умолчания вокруг эмигрантских авторов, чьи труды вышли из небытия спецхранов к широкому читателю именно благодаря усилиям ныне отвергнутых исследователей. Складывается впечатление, что знакомство с комплексом источников эмигрантского происхождения всегда естественным образом входило в багаж отечественного историка, хотя в советской историографии 60—80-х гг. был период «проталкивания» на страницы исторических трудов материалов, извлеченных из широкого круга эмигрантских источников. Тогда же очень узкая группа отечественных историков открыла для читателей документы Русского заграничного исторического архива (РЗИА) под малопонятным обозначением «Коллекция ЦГАОР», спецхрановскую эмигрантскую литературу и периодику. Столь масштабные «провалы памяти» у историков 90-х гг. заставляют задуматься об искренности их резкой идейно-политической переориентации.

Сегодня список исторических бестселлеров не только у массового читателя, но и у историков-профессионалов часто открывают «свободные эссе» публицистов-филологов В.В.Костикова и М.В.Назарова, без ложной скромности называющих свои книжки «первой попыткой непредвзятого рассказа о русской эмиграции»³. К масштабной атаке на «белые пятна» эмигрантской истории пробудилось многочисленное племя эмигрантоведов, многие из которых еще недавно подвизались на партийно-коммунистической ниве. Возможно, именно поэтому они категорически отвергают «по идейным соображениям» все предшествовавшие советские исследования. Примечательно в этом отношении, что в работах, сориентированных на использование лишь зарубежных источников, как правило, высказывается пренебрежительное отношение к работам отечественных историков 60—80-х гг., игнорируется источниковая база, использовавшаяся советскими исследователями.

Однако и многие зарубежные исследователи до последнего времени чаще всего пренебрегали историей духовного развития российской эмиграции, социокультурных процессов в русской диаспоре. Кроме того, на

многие такие работы до сих пор оказывают влияние идеологические установки антисоветских центров эмиграции. Одной из первых комплексных попыток представить общий обзор духовной жизни российского рассеяния были исследовательские труды Ханса фон Римши «Русская гражданская война и русская эмиграция 1917—1921 годов и «Зарубежная Россия 1921—1926 годов», вышедших на немецком языке в Берлине в 1924 и 1927 гг.

И в зарубежной, и в эмигрантской историографии (порой их невозможно различить) заметны значительные трудности овладения темой, что объясняется целым рядом причин. Прежде всего необходимо помнить, что интеллигенты-эмигранты из России были рассеяны по многим странам, в высшей степени разобщены политически и их рукописное наследие почти необозримо. Ныне существует самое общее представление о всех центрах по хранению исторической документации по Российскому Зарубежью. Не в последнюю очередь по этим причинам до сих пор была в определенной мере исследована лишь незначительная часть всех исторических сюжетов по проблеме духовной жизни эмиграции. В работах М.Агурского, О.Бесса, Р.К.Вильяме, В.Зеньковского, С.Утехина, Р.Пайпса отражена в первую очередь деятельность отдельных идеологов и политических деятелей российского рассеяния. При этом нет систематического анализа истории идейного и культурного развития Российского Зарубежья и оценки его культурной роли в общецивилизационном процессе.

Целесообразно и важно, на наш взгляд, концептуальное положение германского исследователя Л. Люкса: «Идейное развитие «первой» русской эмиграции определялось напряженным отношением, балансирующим между разрывом и преемственностью. С одной стороны, эмиграция в политическом, социальном и культурном смысле олицетворяла собой связь с дореволюционным прошлым. С другой стороны, на опыте 1917-1929 годов она пережила существенный мировоззренческий переворот»⁴.

Эта мысль особенно понятна сегодня, когда редкий труд по истории XX в. обходится без умиления по поводу актуальности работ эмигрантов, изложенных «удивительно современным языком». Именно в них пытаются найти основу для возрождения особой русской духовности, разрушенной большевиками. Подобные суждения вызывают чувство тревоги за состояние обыденного политического и теоретического сознания. Под прикрытием красивого слова «духовность» в наше сознание пытаются внедрить мысль об особой мессианской роли России, противостоящей антихристам с Запада и с Востока. Знаковое опрокидывание, когда в одночасье «хорошие» и «плохие» меняются местами. Учеными уже выявлена закономерность: знаковый тип рефлексии архаичен, им обычно довольствуются культуры с устойчивой исходной моделью и циклическим характером ее

видоизменений. Поэтому и вызывает сомнения попытка перенесения в современность работ наших эмигрантов не в качестве исторических документов и памятников, а в качестве идеологических ориентиров современного общества. Режим самовоспроизводства также подтверждает присутствие в российской культурной модели определенных архаических элементов, заложенных в основу циклического механизма. И здесь перед исследователем встает важный гражданский выбор: есть ли смысл становиться пропагандистом уже известной культурной модели? Не провоцируем ли мы через преподаваемые подобным образом «уроки истории» («смотрите, как современно, подумайте, как актуально») новый циклический виток с гражданской войной и бюрократическим беспределом? В самом деле, немалое число переписчиков эмигрантской литературы под лозунгом «ах, как актуально» невольно воспроизводит всевозможные эмигрантские премудрости в наивной убежденности, что где-то там заложен ответ на извечные русские вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», «Как нам обустроить Россию?». Философское, литературное и прочее культурное наследие, полученное на советской территории, кажется нам сегодня недостаточно убедительным, ведь его авторы находились в условиях «диктатуры пролетариата», деформировавшей сознание. А вот истинная русская духовность, русская ментальность, настоящий русский язык сохранились лишь в российской диаспоре. Таким образом, массовому сознанию предлагается в качестве объективного «нового взгляда» достаточно субъективная самооценка Российского Зарубежья и его вклада в мировую культуру. Необходимо подчеркнуть, что почти вся эмигрантская интеллигенция в прошлом и значительная часть отечественной интеллигенции в настоящем воспринимали и воспринимают российское рассеяние как единственно возможный вариант спасения культуры России. По этому поводу В.Даватц писал: «В „русском исходе“ — ушли со своих насиженных мест миллионы людей, людей совершенно различных общественных положений, занятий, партийных группировок, навыков, вкусов, образования. Люди эти рассеялись по миру, неся с собою всюду элементы старой русской культуры спасенной от катастрофического шквала. И потому, куда бы они ни заносились, они несли с собой аромат родины, который вытравляется дома огнем и мечом, и казались не столько противниками „власти“, сколько хранителями национальной традиции»⁵.

Не случайно эмиграция полагала, что взяла на себя полную ответственность за воспроизводство российской интеллигенции, и «если иметь в виду, что восстановление кадров русской интеллигенции, этого общенародного интеллектуального и морального капитала, является совершенно необходимым условием для возрождения России,—то вряд ли надо доказывать, сколь исключительное национальное значение имеют, с

точки зрения русской культуры, всякие достижения эмиграции в этой области»⁶.

Однако в нашем сегодняшнем обостренном внимании к истории российской интеллигенции в рассеянии полезно прислушаться к мнению самих интеллигентов-эмигрантов. Например, А.В.Пешехонов утверждал: «Эмиграция ведь вообще имеет о себе несколько преувеличенное мнение. Послушать здешние разговоры, особенно год-два тому назад, так можно было подумать, что чуть ли не вся русская интеллигенция ушла из России и находится теперь за границей. В действительности дело обстоит, конечно, совсем не так: достаточно много интеллигенции осталось и в России. Как теперь выясняется, ее осталось даже гораздо больше, чем может использовать страна при том экономическом уровне, до которого она упала»⁷.

На оставшуюся на родине интеллигенцию выпали основные тяготы существования при тоталитарном режиме. Сегодня часто говорят и пишут о том, что интеллигенция в СССР была беспощадно уничтожена большевиками, а истинная российская интеллигенция сохранилась только в Русском Зарубежье. При этом забывают о серьезном вмешательстве властей ряда государств в жизнь российской диаспоры, что со временем часто приводило к деформации образа жизни и ментальности российской эмигрантской интеллигенции. Так, А.В.Карташев признавался: «...Вы не имеете представления о странной духовной подъяремности русского православного ученого и здесь, в зарубежье. Тяжелый наш путь. Говорят, «деньги не пахнут». Неправда. Они не только пахнут, в них страшный яд кроется...»⁸.

Особое место в отторжении российских беженцев от мировой культуры сыграла Русская Православная Церковь, отгородившая российскую диаспору от католической, протестантской и других конфессий. Однако православное влияние заметно ослабевало год от года, и уже многие дети российских эмигрантов, а также представители русской эмиграции в целом все больше ассимилируются европейско-американской культурой и все дальше удаляются от православных традиций, что сказалось на положении самой Русской Православной Церкви в Российском Зарубежье. Все указанные моменты и целый ряд других факторов говорят о необходимости исследовать степень и характер деформации менталитета российской интеллигенции в рассеянии.

В Зарубежье российская интеллигенция пыталась вернуть привычные условия труда и жизни, однако это удавалось далеко не всем. Общемировые процессы увеличения количества лиц интеллектуального труда и понижения их жизненного уровня и положения в обществе особенно резко ударили по интеллигентам-эмигрантам из России. В этих условиях все трудности они

связывали лишь с большевистской диктатурой, что сказывалось на формировании обыденного политического и теоретического сознания российской интеллигенции в рассеянии. На это в свое время обратил внимание Н.А.Бердяев: «Тип «белого» эмигранта вызывал во мне скорее отталкивание. В нем была каменная нераскаянность, отсутствие сознания своей вины и, наоборот, гордое сознание своего пребывания в правде... Свобода мысли в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России. На меня мучительно действовала злобность настроений эмиграции. Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо, кроме большевиков, в этой склонности повсюду видеть агентов большевиков. Это настоящий психопатологический комплекс, и от этого не излечились и поныне»⁹.

Мы привыкли к определению «другая Россия», когда говорим о России эмигрантской. При всех общих корнях отечественной интеллигенции, наверное, можно говорить и о «другой интеллигенции», интеллигенции эмигрантской. Единое целое — интеллигенция России - в годы гражданской войны 1918—1920 гг. оказалось расколотым на две части — «советскую» и «эмигрантскую». Год от года углублялись различия между ними, искусственно прерывались контакты, разрушались семейные отношения. В воссоздании объективной картины истории российской культуры требуется обратить особое внимание на непрекращавшийся все же диалог двух культур, балансирующих между разрывом и преемственностью. При этом исследования должны носить подлинно гуманитарный характер, направленный в первую очередь на изучение носителей и создателей российской культуры - интеллигенции. Поэтому предлагаемое направление научного исследования может быть осуществлено только как междисциплинарное, включающее исторические, культурологические, политологические, социально-психологические, экономические, социологические аспекты.

Традиционно изучение российской диаспоры и в нашей, и в зарубежной историографии чаще всего велось с 1917 г. и отличалось некоей идеологической заданностью, предопределявшей исследование отдельных политических центров и политических лидеров. Предполагаемое исследование должно быть посвящено прежде всего социокультурным процессам российской эмиграции, изучению аспектов, особенно затрудненных недоступностью большого количества источников. Необходимо отметить, что над исследователями порой довели и идеологические установки.

Следовательно, в ходе предстоящего исследования необходимо безусловно расширить традиционные хронологические рамки и установить, с какого времени можно говорить о появлении носителей российской

культуры в Зарубежье, а также о российской диаспоре как историческом явлении. Эту историческую линию необходимо проследить неразрывно до настоящего времени. Практически все предыдущие исследования Российского Зарубежья ограничивались отдельными этапами, или «волнами эмиграции», и не предпринимались попытки проследить данное явление в качестве единого исторического процесса от его зарождения до наших дней. Такая постановка исследовательской задачи определяет и расширение географических рамок исследования, включающих все регионы российского рассеяния, а не только традиционно изучаемые несколько стран.

Общим контекстом, в рамках которого лежит исследуемая проблема, является общецивилизационный процесс. Помимо ценности, которую предполагаемое исследовательское направление представляет для российской истории, культурологии, политологии, оно внесет вклад в культурологические изыскания, проводимые в разных странах. На международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы», проходившей в Москве 8-12 сентября 1993 г., представители разных стран заявили о всплеске интереса к проблеме «русского влияния» на их национальные культуры через российскую диаспору¹⁰. Таким образом, предполагаемое научно-исследовательское направление находится в русле проблем, интересующих сегодня научную общественность мирового сообщества.

Исходя из описанных целей исследовательского направления, можно сформулировать следующие конкретные задачи изучения:

Комплексное рассмотрение причин эмиграции представителей российской интеллигенции в прошлом и настоящем.

Изучение проблем адаптации к инокультурному пространству, вживания в чужую культуру, противостояния полной культурной ассимиляции.

Анализ религиозных аспектов социокультурных процессов российской эмиграции.

Выявление общих черт российской диаспоры и специфики ее в отдельных регионах и конкретных странах.

Описание семейно-бытовых сторон жизни российской интеллигенции в эмиграции.

Аналитический обзор деятельности культурных обществ, организаций, союзов и центров российского рассеяния.

Оценка взаимовлияния российской культуры метрополии и Российского Зарубежья.

Описание памятников русской культуры, изучение истории и современного состояния музейного и архивного дела российской диаспоры.

Рассмотрение положения русской культуры в лимитрофах.

Оценка вклада эмигрантской интеллигенции в общемировой культурный

процесс.

В качестве координатора подобных исследований может выступать Сектор истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологии Российской Академии наук и Министерства культуры Российской Федерации. Уже ведется работа над сборником документов из РЗИА, архивов МИДа и ФСБ «Интеллигенция Российского Зарубежья», создается банк данных для составления «Хроники культурной жизни Российского Зарубежья». Проведение научных конференций и издание сборников научных статей отечественных и зарубежных исследователей по проблемам истории российской интеллигенции в эмиграции будет способствовать углубленному изучению истории Русского Зарубежья.

Примечания

- 1 См.: Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. - М., 1977.
- 2 См.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. — М., 1992.; Соколов А.Г. Судьба русской литературной эмиграции в 1920-х гг. — М., 1991 и др.
- 3 См.: Костиков В.В. «Не будем проклинать изгнание...» Пути и судьбы русской эмиграции. — М., 1990; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь, 1992 и др.
- 4 Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. Сб. статей. — М., 1993. - С. 93.
- 5 Даватц В. Годы: Очерки пятилетней борьбы. - Белград, 1926. - С. 9-10.
- 6 См.: Зарубежная русская школа: 1920—1924 гг. — Париж, 1924. — С.
- 7 Пешехонов А.В. Родина в эмиграции // Воля России. — 1925. — № 7-8. - С. 124.
- 8 Цит. по: Зноско-Боровский М. В защиту правды. — Нью-Йорк, 1983. —С. 97.
- 9 Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. — М., 1990. - С. 230.
- 10 Международная научная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы» // Сб. материалов. — М., 1993.